

Цинь Хуань бросил на него взгляд, подумав, что, несмотря на то, что он недавно заставил его спать в кабинете, тот стал ещё наглее и осмелился вести себя так перед императором.

Цинь Юй не знал, что на уме у этих двоих, и, желая продолжить слушать историю, но одновременно боясь, хотел, чтобы все сидели ближе, поэтому поддержал:

— Да, племянник, садись сюда, мы будем сидеть ближе.

Цинь Хуань не мог отказать, и слова для отговорки застряли у него в горле, поэтому ему пришлось сесть рядом с Чжао Цинфэном. Как только он сел, тот под столом схватил его за руку.

Цинь Хуань приоткрыл рот, гневно посмотрел на него, но Чжао Цинфэн сделал вид, что ничего не замечает, и сказал Цинь Юю:

— Ваше Величество, продолжим?

Цинь Юй радостно кивнул:

— Да, да, продолжай.

Чжао Цинфэн крепче сжал руку Цинь Хуаня, время от времени поглаживая её кончиками пальцев, внутренне торжествуя, что выгадал достаточно, но на лице сохранил то же загадочное выражение, продолжив:

— Хотя я так и думал, но всё же нужно было собственными глазами убедиться, чтобы успокоиться, поэтому я тайком направился к тому городу...

— Ваше Величество, догадываетесь, что я увидел в том городе? — с серьёзным лицом спросил Чжао Цинфэн.

— Что... что вы увидели? — с заиканием произнёс Цинь Юй.

— Я спрятался за разрушенным домом и увидел, полный город людей, — Чжао Цинфэн с преувеличенным ужасом произнёс, издавая шипящие звуки. — Весь город был полон людей в одеяниях моей Великой Ци, только ни один из них не был целым: у кого-то не было головы, у кого-то рук, а у некоторых половина тела сгнила. Всё это носилось по городу, летая туда-сюда... А под их ногами в беспорядке лежали те шуо.

— Я, собравшись с духом, пригляделся: те шуо тоже были разорваны в клочья, внутренности вываливались наружу, повсюду валялись бёдра и предплечья. По идее, люди в таком состоянии должны были быть давно мёртвыми, но они, один за другим, всё ещё пытались встать, сбиваясь в кучу, но только поднимались, как тела их с грохотом разваливались на части!

Цинь Хуань изо всех сил сжал руку Чжао Цинфэна, выражая недовольство тем, что он рассказывает такие мерзкие вещи, но, подняв голову и взглянув на Цинь Юя напротив, обнаружил, что тот, сжимая в руках грелку, широко распахнул глаза и, казалось, застыл в оцепенении.

Ли Хуэй заметил, что Цинь Юй затих, и подумал, что это не к добру. Он тут же наклонился к Цинь Юю и тихо позвал:

— Ваше Величество? Ваше Величество?

Он только окликнул его в третий раз, как Цинь Юй вдруг резко вздрогнул, а потом громко закричал:

— Призраки! А-а-а! Это призраки! Призраки!

Чжао Цинфэн вздрогнул от этого внезапного крика. Он просто болтал вслух, выдумывая историю, кто знал, что напугает императора до такой степени. Цинь Хуань было некого учить Чжао Цинфэна, он поспешил обогнуть маленький столик, подойти к Цинь Юю и вместе с Ли Хуэем успокаивать его. Но тот, прокричав в беспорядке какое-то время, стал смотреть всё более рассеянным, и, уставившись на Цинь Хуаня, вдруг бросился к нему, схватил его за руку и зарыдал:

— Призраки! Второй брат, спаси меня, тут призраки!

Остальные трое на миг застыли в замешательстве. Цинь Хуань, скрыв свои чувства и успокаивающе произнёс:

— Ваше Величество, вы хорошо видели? Я — Аньпин, а не Наследный принц Чжаожэнь.

Но Цинь Юй лишь беспорядочно мотал головой, не унимаясь:

— Второй брат, ты и есть второй брат...

Лицо Чжао Цинфэна мгновенно помрачнело. Видя, что Цинь Юй не успокаивается, он, помогая удерживать его, обычным тоном обратился к Ли Хуэю:

— Это я виноват, напугал Ваше Величество до того, что он потерял рассудок и перестал узнавать людей.

Ли Хуэй взглядом выразил колебание, но всё же кивнул в поддержку, и вместе с Цинь Хуанем и Чжао Цинфэном они долго старались успокоить Цинь Юя, пока тот наконец не утих.

Кстати, я всё же считаю, что бытовые романы писать проще всего... Когда я писал «Пьяные речи», то мог выдать 3000+ слов за два часа, а сейчас... Можно ли сказать, что над этими двумя тысячами я бился целых четыре часа? (T▽T)

Безысходность...

— Только что я был слишком опрометчив, — когда они вышли из Дворца Тяньлянь и оказались в безлюдном месте, с некоторым сожалением произнёс Чжао Цинфэн.

— В этом нельзя винить тебя, — покачал головой Цинь Хуань, вспоминая сцены недавних встреч с Цинь Юем, и вздохнул. — Я всё время чувствую, что с тех пор, как Цинь Юй увидел прах, он начал вести себя немного ненормально... Похоже, он действительно узнал меня.

Чжао Цинфэн нахмурился, он внимательно разглядывал лицо Цинь Хуаня и вынужден был признать одно:

— Возможно, дело не только в прахе.

Всё ещё говоря, они остановились у пруда. В позднеосеннюю погоду по воде плавали редкие опавшие листья, которые даже самые трудолюбивые евнухи не успевали вылавливать. И всё же на поверхности воды можно было увидеть отражение человеческих фигур.

— Ваше Высочество не находите, что ваше лицо всё больше становится похожим на прежнее?

Сердце Цинь Хуаня ёкнуло. Он смотрел на отражение в воде и долго молчал, но всё же кивнул. Действительно, если говорить о том моменте, когда он только что возродился, то лицо Цинь Аньпина походило на его собственное лишь на семь-восемь десятых, но теперь оно действительно похоже на девять десятых... Боюсь, с течением времени оно будет становиться всё более похожим.

Чжао Цинфэн, видя, как брови Цинь Хуаня всё больше сходятся, почувствовал жалость. Тёплыми руками он взял его за плечи и развернул лицом к себе:

— Ну же, Ваше Высочество, не стоит так сильно беспокоиться.

— Ведь сейчас вряд ли кто-нибудь поверит словам императора. Без доказательств ни Хэ Уцин, ни князь Цзи просто так не подумают о каком-то возрождении.

Цинь Хуань тоже знал, что если бы это были людские интриги, то можно было бы ещё побороться, но как ни глупость Цинь Юя, ни его собственное возрождение не были предопределены судьбой, и даже если бы он захотел что-то сделать, не нашлось бы хорошего способа.

— У тебя есть кто-нибудь, кто мог бы немного изменить внешность человека? — Цинь Хуань всё ещё был неспокоен, вдруг кто-то заметит какие-то подозрительные черты.

Чжао Цинфэн с безнадёжным видом покачал головой, потянулся рукой и погладил его по щеке:

— Ваше Высочество, вы что, принимаете эти мистические романы за чистую монету? Разве бывают такие хорошие дела, как изменение лица без ножа и крови?

— К тому же, — Чжао Цинфэн, желая отвлечь мысли Цинь Хуаня, воспользовавшись тем, что кругом никого не было, наклонился и слегка коснулся губами его бровей и глаз:

— Мне больше нравится Ваше Высочество именно таким.

Цинь Хуаню стало щекотно от его прикосновений, он хотел отступить назад, но талию перехватила рука Чжао Цинфэна, и он не мог вырваться. Мысли его шевельнулись, он потянулся рукой и прикрыл губы собеседника, делая вид, что сердится:

— Значит, твои слова означают, что если бы я изменил внешность, ты бы перестал меня любить?

Чжао Цинфэн поспешно замотал головой, приняв вид смиренного извинения:

— Какая бы ни была внешность у Вашего Высочества, мне она, конечно, нравится. Это я своим языком чешу, пусть Ваше Высочество накажет меня.

Цинь Хуань был рассмешен его видом. Если говорить о Чжао Цинфэне шестнадцатилетней давности, то это была юношеская пылкость, живость и непоседливость, а теперь он и вправду стал мастером сладких речей и умения играть роль, всё это у него получается с лёгкостью. Но именно так, как он говорил, — какой бы ни была внешность, он любил бы его.

— Ваше Высочество смеётся, значит, не сердитесь? — с опаской спросил Чжао Цинфэн.

В конце концов, они были на улице, мало ли кто might подойти, и Цинь Хуань поспешил выбраться из объятий Чжао Цинфэна, кивнул небрежно:

— Да, да, не сержусь, отпусти меня.

Чжао Цинфэн всё ещё не отпускал его, пользуясь моментом и нахрапом заявил:

— Это слова Вашего Высочества, значит, сегодня вечером... мне не придётся спать в кабинете?

Цинь Хуань не ожидал, что он здесь его поджидал, и тут же оттолкнул рукой его голову, которая подалась вперёд:

— Мечтать не вредно!

Они ещё какое-то время резвились у воды, прежде чем расстаться, но перед уходом Цинь Хуань вспомнил о деле:

— Я думаю, на этого Ли Хуэя стоит обратить внимание... Возможно, он сможет сыграть свою роль.

Чжао Цинфэн улыбнулся и кивнул:

— Ваше Высочество, не волнуйтесь, насчёт этого человека я уже подготовился.

В ту ночь они подробно обсудили дело Ли Хуэя. Чжао Цинфэн ещё хотел сделать какие-то ходы, но Цинь Хуань, узнав некоторые причины и следствия, велел ему просто спокойно ждать удобного момента. И действительно, через несколько дней Ли Хуэй сам нашёл их.

В тот день он как раз допил вино с Цинь Цзюнем в Гранатовом квартале. В последнее время Цинь Цзюнь всё больше пристрастился к Фэй Юэ, и его нрав становился всё более вспыльчивым. Чжао Цинфэн видел всё это и лишь скрывал холодную усмешку за винной чашкой.

Однако, учитывая урок прошлого раза, он не смел оставаться на ночь в этом квартале. В любом случае, когда на следующий день Цинь Цзюнь проснётся, он не станет искать Чжао Цинфэна, так что тот, проводив того, пока тот напился, тайком вернулся во дворец.

Кстати, я всё же считаю, что бытовые романы писать проще всего... Когда я писал «Пьяные речи», то мог выдать 3000+ слов за два часа, а сейчас... Можно ли сказать, что над этими двумя тысячами я бился целых четыре часа? (T▽T)

Безысходность...

<http://bllate.org/book/16488/1498118>